

М. М. Минц

Рец.: Куренков Г. А. От конспирации к секретности: Защита партийно-государственной тайны в РКП(б) — ВКП(б), 1918–1941 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 255 с.: ил.

Тотальная секретность являлась неотъемлемой чертой советской системы. Круг сведений, подлежащих засекречиванию, был настолько велик, что подробный его анализ мог бы занять целую книгу. Помимо собственно государственной тайны существовали сведения «для служебного пользования», ограничивался доступ в библиотеки и архивы. Наследие этой системы живо до сих пор, несмотря на «архивную революцию» 1990-х гг. Формально введенный в законодательство тридцатилетний срок секретности по существу остается лишь на бумаге, поскольку даже после его окончания документ может быть рассекречен только с согласия фондообразователя или его правопреемника. Широко разрекламированное в свое время рассекречивание документов Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) на практике принесло лишь незначительный эффект из-за того, что техническая работа по непосредственному рассекречиванию дел, как обычно, затянулась, а документы центральных органов стратегического управле-

ния и многие другие по-прежнему остаются на секретном хранении. Больше того, еще в начале 2000-х гг. в том же ЦАМО действовал длинный перечень сведений, которые запрещалось выписывать даже из не-секретных документов (например, любые сведения о нарушении советскими войсками законов и обычаев войны, даже непредумышленном), а все сделанные исследователем выписки подлежали обязательной проверке сотрудниками архива, имевшими право вымарывать из них абзацы, не соответствующие правилам. В отдельных случаях ситуация, и без того абсурдная, доходит до явных курьезов: к примеру, фонд Главного разведывательного управления в РГВА (разумеется, целиком засекреченный) содержит, как следует из датировки в списке фондов, документы конца XIX в., и это не опечатка.

Для сравнения: в тех же США большинство секретных документов по истечении тридцатилетнего срока рассекречиваются автоматически, лишь для особо ценных документов этот срок может быть продлен до пятидесяти лет. Таким образом, документы, возникшие до середины 1960-х гг., рассекречены уже практически полностью, так что, например, по истории со-

© Минц М. М., 2017

Минц Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва); <http://michael-mints.ru>

ветского военно-промышленного комплекса в послевоенный период в американских архивах можно получить едва ли не больше информации, чем в российских. В других западных странах сроки рассекречивания могут отличаться, но сути дела это не меняет. Российские граждане, впрочем, уже настолько привыкли к «родной» практике засекречивать все, что только можно, что многие коллеги (даже постсоветского поколения) по сей день не могут в это поверить и убеждены на полном серьезе, что самые важные документы западных спецслужб так и остаются засекреченными. Можно услышать и такие рассуждения, что архивы рассекречивать не надо, поскольку в документах упоминаются фамилии сотрудников НКВД или разведчиков-нелегалов, даже если речь идет о документах 1940-х гг.

В подобных условиях история института государственной тайны в Советском Союзе приобретает исключительный интерес. Достаточно упомянуть о том, что при источниковедческом, а затем и историческом анализе, скажем, советских стратегических планов 1940 – первой половины 1941 г. необходимо в числе прочего учитывать принятые в то время правила работы с документами, имеющими гриф «особо важно», иначе можно прийти к ошибочным выводам. Изучение этих правил и их эволюции для исследователя, таким образом, приобретает не только чисто познавательное, но и вполне конкретное инструментальное значение.

Решение указанной задачи применительно к довоенному СССР об-

легчается тем обстоятельством, что многие документы данного периода к настоящему времени все же рассекречены. Важным шагом на этом пути, несомненно, является рецензируемая монография, посвященная режиму секретности в партийных органах РКП(б) – ВКП(б) в 1918–1941 гг. Автор книги – Геннадий Александрович Куренков, выпускник МГИАИ (1989), кандидат исторических наук (РГГУ, 2010), в настоящее время работает в РГАСПИ. Целью своего исследования он выбрал системный анализ целей, задач и механизмов защиты информации в РСФСР – СССР в межвоенный период. Хронологические рамки работы: от прихода большевиков к власти в России, означавшего их превращение из полуподпольной организации в легальную правящую партию, до начала Отечественной войны, сопровождавшегося созданием чрезвычайных органов власти и еще более резким ужесточением режима секретности. В качестве источников в книге используются в основном рассекреченные документы Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, отложившиеся в РГАСПИ.

В первой из двух глав монографии описываются создание и эволюция секретных партийных подразделений, во второй – основные направления их деятельности. Ситуация в 1920-е гг. анализируется подробнее, чем в 30-е, видимо, из-за того, что значительная часть документов 30-х гг. по-прежнему засекречена. Почти не рассматривается, к сожалению, вопрос о том, какие именно сведения относились к партийной и государственной тайне, в книге

дается лишь самая общая информация.

По наблюдениям автора, формирование целостной и централизованной системы защиты информации началось в начале 1920-х гг. и в основном завершилось к концу десятилетия. В этот период была, в частности, разработана необходимая нормативная база (более подробные инструкции продолжали уточняться и в последующие годы). Доступные в настоящее время документы не позволяют определить точную дату создания секретных подразделений РКП(б)/ВКП(б). Автор предполагает, что это произошло в 1919 г., когда, собственно, и начал формироваться партийный аппарат как таковой. До этого партийные решения, в том числе и секретные, проводились через государственные органы. Под 1919–1920 гг. упоминаются несколько подразделений, занимавшихся секретным делопроизводством. В 1920–1921 гг. функционировал Секретный отдел Управления делами ЦК, в 1921 г. он был преобразован в Бюро Секретариата ЦК, в 1926 г. – в Секретный отдел ЦК, в 1934 г. – в Особый сектор ЦК. Секретные подразделения создавались и в местных партийных органах. Свою работу они осуществляли во взаимодействии с ВЧК/ОГПУ.

Постепенно совершенствовался и порядок работы с секретными документами. В начале 1920-х гг. партийные органы руководствовались инструкциями, выпущенными для государственных учреждений. С 1923 г. начали издаваться специальные внутрипартийные инструк-

ции. В 1922 г. впервые упоминаются так называемые «закрытые письма» – особая категория секретной переписки между центральным аппаратом и местными партийными организациями, предназначенной главным образом для сбора информации о положении на местах. К 1923 г. относятся первые упоминания об «особых папках», содержащих наиболее тщательно засекреченные сведения по вопросам внешней политики, обороны и т.д. Еще более высокий уровень секретности составляли «внепротокольные решения» высших органов партии.

Параллельно с этим формировалась система партийных архивов. В 1935 г. был создан Центральный партийный архив Института Маркса – Энгельса – Ленина (ЦПА ИМЛ) – нынешний РГАСПИ. «Документы партийных архивов, – отмечает автор, – были закрыты для беспартийных, а к секретным документам допускались только члены партии по решению соответствующего партийного комитета. Кремлевские архивы ЦК (Политбюро, Оргбюро, Секретариата), а также архивы Секретного отдела, отделов ЦК всегда оставались закрытыми, допуск к ним был строго ограничен даже для сотрудников ЦК» (с. 79). После распада СССР документы аппарата ЦК были переданы во вновь образованный Архив Президента РФ.

Работу по предотвращению утечек секретной информации выполняли и цензурные органы. Первый перечень сведений, составляющих государственную тайну, был утвержден

еще во время Гражданской войны. Новый перечень, составленный в 1922 г., вводил уже правила не только для военного, но и для мирного времени. На его основе был разработан первый общесоюзный перечень 1923 г., дополнительно переработанный в 1925 г. В мирное время объем информации, подлежащей засекречиванию, был сокращен, но, как отмечает автор, лишь формально. Во-первых, для целых категорий *несекретной* информации вводился гриф «не подлежит оглашению», во-вторых – отдельные категории сведений могли быть опубликованы лишь с разрешения того ведомства, к компетенции которого они относились. Граница между секретной и несекретной информацией была, таким образом, довольно условной, как и в случае с партийными архивами.

С начала 1930-х гг. количество секретных документов резко возросло, а круг допущенных к ним лиц существенно сократился, что отразило не только рост международной напряженности, но и окончательное свертывание внутрипартийной демократии. Основные принципы организации защиты информации оставались неизменными на всем протяжении изучаемого периода (обоснованность доступа к секретным сведениям, персональная ответственность, материальная заинтересованность лиц, допущенных к государственной тайне). Как показало проведенное исследование, защита партийных тайн в межвоенные годы осуществлялась в целом довольно эффективно: «Несмотря на определенные отрицательные моменты в деятельности советской

контрразведки, разведслужбам соперничающих с Советским Союзом государств, по их признанию, было очень трудно работать в нашей стране» (с. 203–204).

Важнейшим фактором, повлиявшим на режим секретности в СССР, автор считает внешнеполитический («холодная война», по его мнению, началась сразу после окончания Гражданской войны в России), хотя и соглашается с тем, что в отдельных случаях повышенная секретность была обусловлена соображениями внутриполитической борьбы и могла приводить к злоупотреблениям.

Работа в целом производит благоприятное впечатление, главным образом благодаря значительному объему собранного в ней фактического материала. К сожалению, этого нельзя сказать о ее аналитической и особенно оценочной части. Автор по существу оправдывает систему тотальной секретности, сложившуюся в СССР в межвоенный период: «Отвечая на вопрос, насколько была оправданна система защиты партийно-государственной тайны в партийных органах, можно вполне определенно сказать, что, несмотря на освещенные в данной работе недостатки, система защиты информации в партийных органах РКП(б) – ВКП(б) в 1918–1941 гг. в целом соответствовала условиям и требованиям исторического момента, исходя из реалий того времени, социально-экономической, внутренней и внешнеполитической обстановки. Анализируя изменение в политике в конце 1920-х или 1930-х гг., западные историки

старательно обходят факт систематического давления западного мира на СССР. Капиталистическое окружение, которое видело в Советской России угрозу своему существованию, не дало новому строю развиваться в такой степени, чтобы он мог наглядно продемонстрировать свои преимущества» (с. 219). Тотальная секретность, по мнению автора, оправдывается, в частности, тем, что белогвардейские, а затем и иностранные спецслужбы, в том числе нацистские, интересовались предельно широким кругом вопросов, включая экономику Советского Союза и биографии его лидеров. О том, что решение этих вопросов было возложено на спецслужбы именно из-за стремления советского руководства засекретить едва ли не всю сколько-нибудь значимую информацию, автор не задумывается.

Не задумывается он и о том, что чрезмерная секретность, вопреки распространенному заблуждению, не укрепляет, а, наоборот, подрывает защиту информации. Если иностранной разведке действительно необходимо заполучить тот или иной секрет, она почти наверняка рано или поздно до него доберется; задача контрразведки состоит

не в том, чтобы секрет не был раскрыт никогда, а в том, чтобы он был раскрыт как можно позже. Для этого, в свою очередь, требуется максимальная концентрация ресурсов на ограниченном количестве по-настоящему важных тайн, только так можно закрыть все или почти все возможные лазейки, позволяющие заинтересованным специалистам подобраться к искомой информации обходными путями. Тотальная секретность приносит прямо противоположный результат, что мы и можем наблюдать на примере Советского Союза, где многие секреты являлись таковыми лишь для советских же граждан.

Автор, однако, этим не ограничивается и оправдывает даже современную закрытость российских архивов, ссылаясь ни много ни мало на бывшего председателя КГБ и члена ГКЧП В.А. Крючкова, утверждавшего в свое время, что «неосторожное обращение с архивами может нанести непоправимый ущерб... государству в целом» (цит. по: с. 221). Какие именно документы 80-летней давности способны сегодня «нанести непоправимый ущерб государству в целом», остается лишь догадываться.

Rev.: Kurenkov G. A. Ot konspiratsii k sekretnosti: Zashchita partiino-gosudarstvennoi tainy v RKP(b) — VKP(b), 1918–1941 gg. Moscow: AIRO XXI, 2015. 255 p.: ill.

Mints Mikhail M. — candidate of historical sciences, senior researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (Moscow)